

А. Е. Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет

**«Чужое имя» Н. Д. Ахшарумова
и «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского:
градации творческой неудачи***

Рассматривается феномен творческой неудачи в свете издательских практик и авторского самосознания, моделируется ситуация литературного соперничества, диалога и недиалога Ф. М. Достоевского и Н. Д. Ахшарумова. Вступив на литературное поприще в один год, «выпав» из литературной жизни на десятилетие (1850–1858), писатели станут соперниками в начале 1860-х гг., когда в журнале «Время» начнет публиковаться роман «Униженные и оскорбленные», а в журнале «Русский вестник» – «Чужое имя».

Два романа, фельетонный и авантюрный, отчетливо ориентированные на жанры массовой литературы, принесут неоднозначную славу своим создателям и определяют их репутацию в начале 60-х гг. Внимание сосредоточено на отзывах русской критики на роман Ахшарумова (Добролюбов, Григорьев, Хвоцинская); статьи и комментарии, посвященные восприятию «Униженных и оскорбленных», в связи с тотальной изученностью этого материала, не приводятся.

Исследование показывает специфическую градацию неудачи для карьеры писателей: если неудача, декларируемая самим Достоевским, впоследствии рассматривается в общем контексте авторской эволюции, то для Ахшарумова, как «писателя без биографии», его роман становится синонимом тупика, ложного пути, движение по которому определило бытование его имени на периферии истории культуры.

Ключевые слова: русская литература XIX века, классика и беллетристика, вторичность и альтернативность, феномен творческой неудачи, Ахшарумов, Достоевский, Теккерей.

Феномен творческой неудачи, основательно рассмотренный в современной филологической науке и культурологии¹, носит «рецептивно-социологический

* Исследование поддержано *EU Regional Development Fund*.

¹ Типология творческих неудач описана в статьях Ю. М. Лотмана [1997]. Отталкиваясь от этой концепции, В. И. Тюпа предлагает выделять в беллетристике 1) собственно вто-

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; alexey-kozlof@rambler.ru)

характер»: неудача «сосредоточена не в тексте, а в сознании читающего, слушающего, понимающего» [Кубасов, 2011] и поэтому осложняется множеством индивидуально-авторских сценариев, в которых, наряду с ситуацией успеха, «программируется» и закладывается возможность неуспеха, непризнания и катастрофы. При этом вместе со «страхом влияния», способствующим появлению качественно новых поэтик и сюжетов [Bloom, 1973], не менее значим и «страх невнимания», часто построенный на аффективном сознании того, что создаваемый текст не переживет своего создателя [Виницкий, 2017].

Обратимся к биографической мистификации М. Форстер «Записки викторианского джентльмена» (1978). Историко-литературная лакуна, связанная с отсутствием дневника и записных книжек У. Теккерея, заполняется подробными записями, позволяющими «реконструировать» меняющееся самосознание викторианского романиста. Наиболее болезненно Теккерей-рассказчик реагирует на новые произведения своего литературного конкурента и соперника Диккенса:

...все равно было ужасно писать такую тягомотину, когда в противном стане Диккенс печатал «Дэвида Копперфилда». Не стану спрашивать, читали ли вы его, его все читали, он прекрасен. Друзья мне льстили, один зашел так далеко, что уверял, будто я затмил его «Пенденнисом», – о, что за ложь, ведь Диккенс превзошел тут самого себя, я первый готов был в этом поклясться. Но между нами говоря, я думаю, что «Дэвид Копперфилд» стал лучшей книгой Диккенса, оставив позади все прежние романы, ибо он усвоил урок, преподанный ему романом Другого Автора. Он понял подсказку «Ярмарки тщеславия» и, ко всеобщей радости, заметно упростил свой стиль. Наверное, сам бы он в этом не признался, – по крайней мере, мне так кажется, – но посмотрите беспристрастно – и вы будете поражены открывшимся².

По логике романистки XX в., литературный успех книги Диккенса был подготовлен и подсказан книгами Теккерея, более того, неудача второго увеличивала репутационные возможности первого. В этой заведомо игровой ситуации, на наш взгляд, скрыта важная проблема самосознания писателя, обреченного быть эпигоном, тем, кто идет по следам своего яркого современника, или же первопроходцем, получившим репутацию подражателя. Неслучайно Е. Гениева, говоря о двух *соратниках* и *соперниках*, справедливо пишет: «Творческая драма Теккерея, писателя, опередившего свое время, скорее, нашего современника, была в том, что исторически он был современником Диккенса. Всю жизнь, у себя на родине и у нас, в России, он находился в тени великого собрата по перу» [Гениева, 1989].

ричные тексты «относительно классических вершин литературы»; 2) архаичные тексты, создаваемые как бы с опозданием; 3) тексты экспериментальные, не завершённые в своем новаторстве; 4) злободневные, звучащие для последующих поколений глухими отзвуками «чужой современности» [Тюпа, 1991]. На материале прозы 60-х гг. XIX в. этот феномен рассматривается Т. И. Печерской [2018], Е. К. Созиной [2009], Е. Н. Пенской [2001]. Обзор методов и подходов, направленных на изучение «графоманских», «дефектных» и экспериментальных текстов (в которых неудача программируется на коммуникативном уровне) см. в книге: [Феномен творческой неудачи, 2011; 2018]. В своей рецензии на эту монографию, отталкиваясь от статьи Л. П. Быкова, И. В. Ащеулова подводит итог: «...неудача в творчестве имеет право на бытование и изучение: и в контексте современности, и в контексте истории, и в контексте судьбы писателя, и в контексте рецепции, и в контексте персонального мифа» [Ащеулова, 2012].

² Форстер М. Записки викторианского джентльмена / Пер. с англ. Т. Я. Казавчинской. М.: Книга, 1985.

Подобная ситуация находит отчетливую параллель в истории русской литературы, взятой в аспекте диалога классики и беллетристики. Традиционно применяемый к изучению этого материала типологический подход, на наш взгляд, не всегда позволяет корректно описать реальную ситуацию, делая беллетристику «безгласной», заведомо вторичной и подражательной литературой, механически воспроизводящей вершинные образцы мировой классики и неизбежно тиражирующей их на срединном или низовом уровне [Классика и современность, 1991; Вторая проза..., 1995; Чернов, 1996; Вершинина, 1997; Дмитренко, 2002]. Обращение к категориям авторской и писательской прагматики, интенциям пишущего и его позициям в литературном поле [Bourdieu, 1996] позволяет отойти от схематизма и «презумпции посредственности» в сторону индивидуальных сценариев и ролевых моделей, реализуемых в том числе в подражании и литературном соперничестве. В настоящей статье мы рассмотрим только один такой сюжет, обратившись к диалогу Н. Д. Ахшарумова и Ф. М. Достоевского в свете феномена творческой неудачи³.

Выпускник Царскосельского лицея Ахшарумов и инженер в отставке Достоевский выступили на литературном поприще практически одновременно. Дебютировавший одноактной комедией «Маскарад» в 1846 г. Ахшарумов закономерно не был замечен зрителями и читателями и не стал «новым Гоголем». Рецензент «Северной пчелы» объяснял причины такой неудачи: «Он (сюжет. – А. К.), конечно, не богат, но для одноактной комедии был достаточно, если бы автор вел его хоть сколько-нибудь занимательным образом; теперь же все действующие лица являются, как Китайские тени, не оставляя после себя никакого впечатления. Г. Каратыгин 2-й и Г-жа Сосницкая всеми силами поддерживали эту бесцветную пьесу, но все их дарование не помогло. Маскарад, волею Аполлона – умре»⁴. По-видимому, Ахшарумов тогда не думал связывать свою жизнь с литературой: с 1847 по 1849 г. он, чиновник в отставке, вольнослушатель Петербургского университета, посещающий классы Академии художеств, не публикует ни одного текста.

Следующее произведение Ахшарумова появляется спустя четыре года при драматических обстоятельствах. Беллетрист, брат петрашевца, осужденного вместе с Достоевским и другими участниками петербургских пятниц, сам едва избег-

³ Ранее мы предприняли попытку описать основные коллизии этих отношений. «В истории литературы утвердилось мнение, согласно которому творчество Н. Д. Ахшарумова – современника Ф. М. Достоевского – лишено оригинальности, а сам писатель в течение 50-х годов выступает открытым эпигоном своего сильного литературного предшественника [Майорова, 1989]. <...> Существовая в литературной орбите Достоевского и даже стремясь стать человеком его круга, Ахшарумов будет ревниво следить за каждым шагом гениального прозаика. Только в 60-е годы он изменит тенденцию, отказавшись от фантастических произведений в пользу детективной беллетристики (“Мандарин”, “Концы в воду”), но в конце жизненного пути, по-видимому, в знаковом для истории литературы 1883-м году, он напишет роман “Под колесом”, соединив мотивы “Игрока” Достоевского с фабулой светской повести 40-х годов» [Козлов, 2017, с. 36].

⁴ Северная пчела. 1846. 9 мая. С. 414. Разумеется, отзывы «Северной пчелы» были далеки от объективного анализа. Так, рассматривая «Бедных людей» в составе «Петербургского сборника», рецензент «Пчелы» утверждал, «...уверяли, что в этом альманахе явится произведение нового, необыкновенного таланта, произведение высокое, едва ли не выше творений Гоголя и Лермонтова <...> мы с жадностью приняли за чтение романа г. Достоевского и, вместе со всеми читателями, жестоко разочаровались <...> Содержание романа нового автора чрезвычайно замысловато и обширно: из ничего он вздумал построить поэму, драму, и вышло *ничего*, несмотря на все притязания создать нечто глубокое, нечто высокопатетическое, под видом наружной, *искусственной* (а не искусной) красоты» (Северная пчела. 1846. 30 янв. С. 42).

нувший ареста⁵, он пишет повесть «Двойник» (1850) и отправляет ее в журнал Краевского, тем самым полностью воспроизводя траекторию Достоевского и «замещая» пустое место в кругу сотрудников «Отечественных записок». А. В. Дружинин, рецензируя повесть, осторожно намекнул на эту претензию быть «Новым Достоевским»: «Роман нового писателя, повесть молодого литератора! С этими словами у меня сливается идея о произведениях *неправильных, жарких, юных, поэтических*⁶, – произведениях, вырвавшихся из души, – произведений, родившихся из первых воспоминаний, из светлого опыта, вследствие страданий, которые радостны, и радостей, оканчивающихся страданиями. В первом произведении нувеллиста я ожидаю видеть нечто особенное, не подходящее под схоластическую мерку критики, прекрасное в своих ошибках, ошибочное в самых задушевных страницах, растянутое, недосказанное, а все-таки изящное»⁷. Рецензия заканчивалась констатацией: «...не найдя в этой повести и следов чего-нибудь юношеского, я ее оставил и тем, может быть, лишил себя удовольствия – об этом судить не могу. Повесть как повесть, и, может быть, при конце она довольно занимательна»⁸. Таким образом, «Двойник», наряду с другой беллетристической «мрачного семилетия» (Бернет, Марченко, Зотов), воплощал, с точки зрения критика, некоторую норму посредственности на уровне сюжета и стиля.

После этого следует продолжительный перерыв (в это время Ахшарумов выступает исключительно как переводчик романов «История Пенденниса» Теккерея и «Десять тысяч в год» С. Варрена). Возвращение к литературной деятельности происходит спустя 8 лет – в тот год, когда вернувшийся из Сибири Достоевский помещает в «Русском слове» «Дядюшкин сон», а в «Отечественных записках» – «Село Степанчиково», Ахшарумов публикует в журнале Краевского статью-манифест «О порабощении искусства» и повесть «Игрок»⁹. До конца 1850-х гг. шансы этих игроков литературного поля приблизительно равны: преимуществом Достоевского является ранее завоеванное им имя («подтвержденное» вышедшим в 1860 г. собранием сочинений), Ахшарумов создает себе репутацию критическими текстами и разборами, в которых претендует на пересмотр созданной Белинским системы. Вершину его литературно-критической деятельности представляет «Мнение о драме г. Писемского “Горькая судьбина”» (1859), подготовленное Н. Д. Ахшарумовым в рамках четвертого присуждения Уваровской премии.

Однако закрепление позиции в литературном поле могло осуществиться только через публикацию романа, приобретшего новую актуальность и значение и ставшего в 60-е гг. своеобразной формой времени.

В 1861 г. в журнале братьев Достоевских «Время» начинает печататься фельетонный роман «Униженные и оскорбленные» – в том же году Ахшарумов выступает в журнале «Русский вестник» с романом «Чужое имя». Как известно, Досто-

⁵ Как следует из материалов следственной комиссии, Николай Ахшарумов, также посетивший «собрания обвиняемых в злоумышлении лиц, именно Дебу и Кашкина» и вступавший «в разговоры об учении Фурье, но безо всякого участия в злоумышлении» [Протокол 1849], был арестован спустя четыре месяца, однако, через десять дней выпущен «с возвращением всех книг и рукописей» (Протокол..., 1849). В то же время за ним был установлен негласный полицейский надзор. (В деле содержится переписка Л. В. Дубельта и И. А. Набокова, повестка с вызовом в Секретную Его Императорского Величества канцелярию, расписка Н. Д. Ахшарумова в получении книг.)

⁶ Курсив наш. – А. К. Выделенные слова, вероятно, содержат намек на петербургскую поэму Достоевского, скрытую вынужденной «фигурой умолчания».

⁷ [Дружинин А. В.] Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике (XII) // Современник. 1850. Т. 6. С. 191–192.

⁸ Там же. С. 192.

⁹ Предположительно, на смену стратегии позиционирования Ахшарумова повлияло снятие запрета с фамилии политического преступника Дмитрия Дмитриевича Ахшарумова.

евский связывал с публикацией «Униженных и оскорбленных» свое возвращение в большую литературу: «Воротился я сюда и нахожусь вполне в лихорадочном положении, всему причиною мой роман, хочу написать хорошо, чувствую, что в нем есть поэзия, знаю, что от удачи его зависит вся моя литературная карьера. Месяца три придется теперь сидеть дни и ночи. Зато какая награда, когда кончу! Спокойствие, ясный взгляд кругом, сознание, что сделал то, что хотел сделать, настоял на своем»¹⁰.

Для литературного имени Ахшарумова роман также стал определяющим – чаемый литературный успех мог бы создать его репутацию, определить особые отношения между М. Н. Катковым, обладавшим поразительным литературным чутьем и выступавшим в негласной роли мецената талантливых писателей, и начинающим романистом, чьи литературно-критические взгляды во многом соответствовали идеологии «Русского вестника»¹¹.

Тем не менее, русская критика негативно встретила «Чужое имя». В частности, Н. А. Добролюбов, сравнивая два этих романа, писал:

Роман г. Достоевского очень недурен, до того недурен, что едва ли не его только и читали с удовольствием, чуть ли не о нем только и говорили с полною похвалою... Явился было ему соперник в «Чужом имени» г. Ахшарумова, но со второй же части, говорят, обнаружилась в этом романе такая неблагоприятная пошлость во вкусе романов Полевого¹², что читатели бросили роман недочитанным. «Бедные дворяне» г. Потехина тоже, говорят, остались далеко позади «Униженных и оскорбленных». Словом сказать, роман г. Достоевского до сих пор представляет лучшее литературное явление нынешнего года¹³.

«Неблаговидная пошлость» «Чужого имени» была отмечена и в «Отечественных записках», довольно жестко раскритиковавших сочинение своего бывшего сотрудника. Н. Д. Хвощинская, скрывшаяся под псевдонимом Поречников, так писала о прочитанном романе:

Что нет в нем и что в нем сказано? Что осталось в памяти читателя из этой путаницы лиц, приключений, резонерства?.. Можно бы назвать и много подобных примеров, но названия ничего не напомнят: эти вещи забыты,

¹⁰ Достоевский Ф. М. Письма. 71. А. И. Шуберт. 3 мая 1860. Петербург // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. С. 208–209.

¹¹ В частном письме, убеждая Каткова возглавить орган консервативной печати, Ахшарумов писал: «Несмотря на ужасное множество разного рода периодических изданий, у нас нет ни одной редакции и, следовательно, ни одного литературного кружка, имеющего какое-нибудь определенное, постоянное направление. Все, что живет и движется в этом роде, или колеблется, как волна, или рассыпается, как песок. Но явись кто-нибудь во главе ежедневной политической газеты с честным и сильным характером, большинство этой массы сгруппируется вокруг него и составит одно органическое, здоровое целое. Нужно ли говорить, насколько выиграет от этого наше русское общество вообще. Вы знаете, какое огромное влияние на него имеет литература и в особенности периодическая. Вы знаете тоже, какая масса невежества, фарисейства и шарлатанства вырабатывается у нас под видом здоровой пищи, и с какою алчностью всё это пожирается и проглатывается. Против такого зла довольно ли выступать в месяц или в неделю раз и не удобнее ли иметь в полном своем распоряжении ежедневный орган печатного слова, читаемый большинством, не по прихоти на досуге, а по нужде, по совершенной необходимости» (Письмо Н. Д. Ахшарумова М. Н. Каткову, 1861).

¹² Имя Полевого используется Добролюбовым как синоним архаики и пошлости; типологически произведение Ахшарумова ближе к фабулам романов В. Т. Нарезного и Ф. В. Булгарина. Заметим также, что, используя слово *говорят*, критик подчеркивал, что читать этот роман необязательно.

¹³ -бов [Добролюбов Н. А.] Забытые люди // Современник. 1861. № 9. С. 111.

едва прочтены; разве уж очень злопамятный читатель помянет не добром лишний час умственного утомления; разве неучливый рецензент, повторяя азбучные правила литературы, промолвится об этих печальных произведениях, так явно грешных отсутствием отчета автора самому себе в своем деле... И точно, эти неудачные схватки за все – не доказательство ли, как мало автор знает самого себя и свои силы, если так много на них рассчитывает, как он мало знает и то, за что берется, если берется так, что предмет выскользает у него ежеминутно, как он мало ценит все, за что берется, если сам довольствуется вялыми намеками, клочками описаний, если воображает, что ими все сказано?

Читая подобное произведение, иногда стараешься оправдать его появление на свет благородным желанием автора сказать разом все, что переполнило душу, сказать скорее, потому что, кто знает, отжив, можно не успеть!¹⁴

Знаменательно, что Хвоцинская, находившаяся в сходной ситуации и допускающая аналогичные ошибки в построении собственных произведений (неоднократно отмеченные критикой), тем не менее отказывалась встать на защиту писателя. Завершая обзор, писательница проницательно объясняла причину такой неудачи:

Критика ничего не может сказать об этих произведениях. Их слог неровен, описания разорваны, постройка, лишенная одной основной идеи, составленная понемногу из клочков всего, не имеет того узла, той нравственной связи, которая делает из романа нечто целое, в самом деле похожее на жизнь и вызывающее думу¹⁵.

Хвоцинская отказалась от сопоставления двух текстов, тем не менее рассмотренный обзор устанавливал жесткую грань между произведениями, чьи авторы заслужили «право на бессмертие» (по терминологии критики «Отечественных записок»), и произведениями, обреченными на забвение. Подобным образом поступил и Аполлон Григорьев, к чьей рецензии мы обратимся в конце этой статьи.

Разумеется, в начале 1860-х гг. после прохладного приема, которым критика встретила его повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели», Достоевский не был канонизирован и не воспринимался современниками как классик. Более того, создавая канву своего будущего романа, Достоевский шел на рискованный шаг – он осознанно инкорпировал в художественный текст эпизоды своей писательской биографии. На фоне многочисленных литературных воспоминаний и реабилитации мемуарных жанров¹⁶ такой ход оказывался просчи-

¹⁴ Поречников [Хвоцинская Н. Д.] Провинциальные письма о литературе. Письмо третье. «Чужое имя», роман Н. Ахшарумова // Отечественные записки. 1861. Т. 142. С. 25.

¹⁵ Там же. Рассмотренная рецензия во многом перекликается с оценкой, которую незадолго до этого сам Ахшарумов дал романам Писемского: «Оно началось драмою, полною самобытного, сильного интереса, но к этой драме недоставало развязки, и она пошла искать ее вне себя, стала шарить около себя и хвататься за всё, что попало, и таким образом потеряла свой сосредоточенный, сжатый характер, перестала быть кругом действия, замкнутым в самом себе и потянулась в бесконечную даль уже не драмою, а бродящей нитью приключений и походов, не только слабо цепляющихся друг за друга, но даже нередко выталкивающих друг друга вон из романа в хронологическом их порядке» (Ахшарумов Н. Тысяча душ. Роман в 4-х частях Алексея Писемского // Весна. СПб., 1859. С. 202).

¹⁶ С. Дудышкин так оценивал литературные воспоминания: «...эти повести и очерки не имеют ничего литературного. Это совсем не сочинения. Это то, что пока не напечатано, называется слухами, новостями, сплетнями. Напечатанное, оно имеет свое место и значение в другой литературе – литературе скандалов» (Дудышкин С. Литература скандалов. Три тома сочинений Ив. Панаева // Отечественные записки. 1860. Т. 132). Близкую пози-

тан: история отношений критика Б. и Ивана Петровича, сначала принятого, а потом отторгнутого литературным сообществом, не только проецировалась на хорошо известные факты биографии Достоевского, но и позволяла «скрепить» слабые литературного имени, проводя общую линию между событиями 1840-х и 1860-х гг.¹⁷

Подобное решение принимает и Ахшарумов, отказываясь от фантастического элемента, свойственного его ранним повестям («Двойник» и «Игрок») и обращаясь к событиям собственной жизни. Его биографии как писателя к этому моменту, в строгом смысле, нет, поэтому он обращается к другому уровню, связанному с личным опытом и историей семьи. Как показали недавние архивные разыскания, с 1828 по 1858 г., практически тридцать лет, члены семьи Ахшарумовых вынуждены были участвовать в судебных тяжбах, отстаивая свое право принадлежности к потомственным дворянам¹⁸. Братьями многократно подавались формуляры и прошения, подготавливались копии метрических свидетельств и описания генеалогического древа (Дело о дворянстве..., 1858). Один из последних документов был подан в апреле 1849 г. – за десять дней до ареста участников кружка Буташевича-Петрашевского; после ареста Дмитрия Ахшарумова бремя семейной тяжбы легло на плечи Николая Дмитриевича. Точка в этой истории была поставлена только в 1858 г., когда Ахшарумов и начал борьбу за свое литературное имя.

Отгаликиваясь от семейной драмы, писатель переносит действие в Торопецкий уезд Псковской губернии¹⁹. Герой романа, молодой человек Григорий Алексеевич Лукин, узнает, что является незаконнорожденным, воспитывался и обучался по подложному свидетельству и в любой момент может быть обращен в крепостного. Испугавшись преследований, Лукин завладевает подложными документами и возвращается в Петербург с фамилией Алексеев.

Дело не мудреное: всего три буквы вытравить вон; и скоблить даже незачем; просто закапал чернилами или сигарой прожег. Тогда если и встретишь кого из знакомых, то все само собою понимается. Мало ли есть лю-

цию выразила и Н. Д. Хвощинская: «...воспоминания, если имеют целью приносить пользу обществу, должны быть исторически верны. Выставка их обществу не забава. В них не должно быть места ласканию “личного” чувства, сантиментальности, фантазмагориям, угождению авторскому самолюбию... И вследствие этого “воспоминания” последних месяцев не имеют в общественном смысле большого значения, а в литературном – никакого» (*Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо пятое // Отечественные записки. 1861. С. 25*).

¹⁷ Рецензент «Времени» незадолго до публикации «Униженных и оскорбленных» писал: «Внутренняя история литературы интересна для читателей прямо как средство приблизиться к их недоступному идеалу, сколько-нибудь захватить в руки блестящие образы, которые носятся перед ними. Из этой истории читатель научается несколько выше ценить себя и иногда несколько ниже ценить писателей. Во всяком случае оба полюса, разорванные идеальными помыслами, сближаются. Читатель с радостью узнает, что писатели были люди, во многом похожие на него самого; в то же время перед ним яснее и правильнее обозначаются идеалы, имевшие до тех пор слишком общие, слишком яркие и сливающиеся формы» (*Литературные воспоминания И. Панаева // Время. 1861. № 12. С. 160; в разных источниках атрибутируется как Достоевскому, так и Страхову*).

¹⁸ Генеалогическое древо рода Ахшарумовых свидетельствует о грузинско-армянском происхождении: прадед писателя Вениамин (Беньямин) Ахшарумов вместе со своей семьей в 1754-м г. был принят в российское подданство и пожалован потомственным дворянством [Леман, 1997]. После смерти Д. И. Ахшарумова этот статус был поставлен под сомнение, что обернулось неприятной правовой коллизией.

¹⁹ Адрес М. С. Бижеича, в усадьбе которого Ахшарумовы гостили в летние месяцы. Дядя Лукина Барков, в отличие от Бижеича, предстает в романе ограниченным, алчным и властным человеком.

дей, для которых законное право носить отцовскую фамилию далеко не так ясно, чтоб они могли его доказать. В таком случае, чтобы глаза не колело, дворянский кончик долой, и Алексеевич попросту – Алексеев; а Павлович – Павлов. Вещь очень обыкновенная. Это даже не значит имя переменить; это просто называется его сократить, сделать с ним маленькую операцию, в роде того, как бульдогу хвост отрубить, чтоб его за хвост не кусали. Что тут такого, чтобы могло удивить или заставить справляться? Да и кому какое до этого дело? Чьи интересы от этого терпят хоть на волос; а без этой пружины, то есть без интереса, кто сдвинется с места? Кто даст себе труд поверять? <...> Кто может знать, что Лукин, если б он остался в живых, был бы счастливее Алексеева? Non bis in idem. Раз случай пропустишь, а в другой он и сам не придет; да если б и пришел, то нельзя попорчиться, что будет счастливее этого...» (1, с. 81–82)²⁰.

Разумеется, семейная драма, известная только узкому кругу лиц (кроме Ахшарумовых, вероятно, Д. А. Ровинскому, М. С. Бижеичу и Е. С. Старынкевич) не могла быть противопоставлена эпизоду из частной жизни писателя, ставшему со временем неотъемлемой частью истории русской литературы.

Усвоив и переосмыслив уроки «натуральной школы», Достоевский соединял в своем романе физиологический очерк и фельетон. Первый ориентир определял злободневность произведения, с дагеротипической точностью воспроизводящего мир «униженных и оскорбленных». Фельетонная составляющая, напротив, превращала представленные сцены в декорации, людей – в куклы и маски. Отталкиваясь от прецедентных текстов массовой литературы: «Парижских тайн» Э. Сю и «Лондонских тайн» П. Феваля, Достоевский контаминировал их с сюжетами мировой и русской классики. По замечанию В. Я. Кирпотина, «в “Униженных и оскорбленных” Достоевский “не подражатель, не ученик, а самостоятельный мастер, для которого Пушкин, русские “физиологи”, книги Диккенса, Сю, Шиллера, Жорж Санд, Гофмана были только элементами того объемлющего опыта мировой литературы, который он впитывал в себя и ассимилировал как часть духовной пищи, необходимой ему для того, чтобы сформировать свое оригинальное мастерство»²¹ [Кирпотин, 1966, с. 278]. Как можно убедиться, роман строился на игре с читателем – большую роль играли не только «анонимные формулы» [Барт, 1989], но и совершенно опознаваемые сюжетные ситуации и риторические фигуры, сама комбинация которых, несмотря на настороженные оценки критики, была со временем признана оригинальной.

Решительно отвергая натуральную школу в своих статьях и констатируя упадок реалистического искусства [Володина, Лаврова, 2018], Ахшарумов, тем не менее, пишет роман на остросоциальную тему. «Чужое имя» начинает печататься в «Русском вестнике» в канун крестьянской реформы. В январе, за месяц до обнародования высочайшего манифеста, выходит первая часть, в которой находит от-

²⁰ Цит. по журнальной публикации (Ахшарумов Н. Д. Чужое имя // Русский вестник. 1850. Кн. 1–4, 8, 9) с указанием номера книги и страниц в круглых скобках.

²¹ В то же время суждение о том, что «Униженные и оскорбленные» заключают в себе будущий идеологический, а тем более полифонический роман, представляется ошибочным – такой взгляд носит ретроспективный характер и подразумевает «взгляд на “ребенка-Лермонтова” через историю “вечно-печальной дуэли” на склоне Машука, понимание Гёте – “автора Вертера” с учетом его деятельности как “веймарского министра”» [Винокур, 1997, с. 69]. Подобный подход полностью оправдан при выстраивании биографического нарратива, но выглядит уязвимым при изучении романной эволюции или поэтики конкретного автора.

ражение изложенная выше коллизия²². Сама идея того, что привилегированный молодой человек в любой момент может быть низведен до уровня крепостного, не была новой для русской литературы, но в данном социально-историческом контексте она приобретала новое содержание. Вероятно, на это рассчитывал Катков, в свое время использовавший «Губернские очерки» Щедрина для продвижения «Русского вестника» под эгидой так называемой «обличительной литературы».

Однако, несмотря на сгущенную социальность, ставя в центр романа героя-авантюриста и пытаясь возродить плутовской роман в духе «Российского Жил Блаза» В. Т. Нарезного и «Ивана Выжигина» Ф. В. Булгарина, Ахшарумов был заведомо архаичен в выборе жанровых форм. Ключевой прием – выбор героем другого имени – связан как с историями о таинственных мстителях («Граф Монте-Кристо» и «Железная маска» А. Дюма, «Блеск и нищета куртизанок» О. Бальзака, «Двойник» П. Феваля)²³, так и с реалистическим сюжетом об уходе и разрыве с собственной корпоративной средой [Печерская, 2018; Богодерова, 2011]. Здесь очевидно влияние романа «Новая жизнь» (*Neues Leben*, 1852) Б. Ауэрбаха, оказавшего значительное влияние на российских интеллектуалов²⁴. Главный герой «Новой жизни» революционер Евгений Фалькенберг меняется документом с сельским учителем Евгением Бауманом. Не исключено и влияние переведенного Ахшарумовым романа «Десять тысяч в год» (*Ten Thousand a-Year*, 1841, в авторском переводе «Тяжба», 1852–1853), где бедный служащий Титльбет Титмауз в результате хитрых махинаций провозглашался единственным наследником крупного состояния, и «Больших надежд» Диккенса, печатавшихся параллельно с «Чужим именем» в «Русском вестнике».

Последовавшие затем части произведения, обернувшегося, по мнению Добролюбова, «неблаговидной пошлостью», посвящены петербургским похождениям героя (II часть), его поступлению на службу в губернию, разоблачению и аресту (III часть). Они построены на «склеивании» схем классических текстов, современной романистики и «сенсационных романов» Э. Сю, Ж. Жанена, П. Феваля и проч. Обращаясь к описанию петербургских приключений, Ахшарумов воспроизводит фабулы «Пиковой дамы»²⁵ и петербургских повестей Гоголя²⁶. Развитие

²² В третьей части романа, напечатанной в 8-м номере журнала, обсуждался земельный вопрос и осуждалось крепостное право:

– Конечно. Рациональная обработка земли основана на свободном труде. Ей не уживаться с крепостным правом.

– Но у римлян существовало же крепостное право; а между тем это был первый народ, который привел обработку земли в систему.

– И первый, который привел в систему все мерзости, все неправды своей общественной и семейной жизни, освятив их под именем права...

– Пойдите, пойдите! <...> Оставим римлян в покое. Они уведут нас в сторону от вопроса. Я не хочу защищать ни их крепостное право, ни наше; это, конечно, зло; но дело не в том... (8, с. 480).

²³ В статье Ахшарумова о «Дворянском гнезде» эти имена становятся синонимами пошлости: «От нее пахнет пачули, веет романами Дюма и Поля Феваля, мелодрамою, водевилем...» (Ахшарумов Н. Дворянское гнездо И. С. Тургенева. Совр. Янв. 1859 // Весна. СПб., 1859. С. 303).

²⁴ Отмечая интерес Толстого к этой фабуле, Б. М. Эйхенбаум пишет: «Известно, что Толстой, приехав в апреле 1861 г. в Берлин, явился к Бертольду Ауэрбаху со словами: “Я Евгений Бауман”» [Эйхенбаум, 2009, с. 374].

²⁵ Одержимость Лукина игрой и поиск им рациональных оснований сближает его с Германном и Печориным.

²⁶ Не признавая «гоголевскую школу» и вслед за С. П. Шевыревым полагая «Старосветских помещиков» вершиной творчества Гоголя, Ахшарумов, тем не менее, использует цикл петербургских повестей, описывая мир чиновников, художников и игроков. Влияние

действия в провинции представляет собой вариации на тему «Мертвых душ»²⁷ и «Тысячи душ»²⁸ Писемского. Наконец, реализация любовной коллизии в дворянской усадьбе организуется через «Повести Белкина», баллады Жуковского²⁹ и современный социальный роман («Дворянское гнездо» и «Семейное стье»³⁰). Все три части, как нетрудно догадаться, обрамляет неоконченный роман

«Невского проспекта» очевидно в эпизоде, построенном на любви художника к содержанке: «– Эмилия Павловна, я самый несчастный человек, какой только есть на свете!.. Я... я в вас влюблен ужас как! – отвечал он вполголоса, смотря на нее умоляющим взором.

Она глядела с минуту, ни слова не говоря. Сначала ее это удивило, она не вдруг поняла значение его слов и взгляда; но когда поняла, они сделали на нее очень странное впечатление. Ей стало смешно до того, что она отскочила, прижимая к лицу платок; сдержанный хохот душил ее, она отворачивалась, чтобы не видеть его лица; но один взгляд, случайно брошенный, сделал напрасным всякое дальнейшее усилие. Она фыркнула, бросила платок на пол и, опрокинувшись со всех ног на софу, покатила со смеху» (4, с. 210).

Заметим, что аффектация, сопровождающая поведение падшей женщины, войдет в эмоциональный репертуар прозы Достоевского.

²⁷ Характеристика главного героя дана практически языком Чичикова: «Можно думать, пожалуй, что он с трудом выбился на простор из какой-нибудь темной и тесной сферы, о которой ему неприятно упоминать, или что он остаток, щепка, уцелевшая от крушения какого-нибудь богатого корабля, сын разорившегося помещика... что-нибудь в этом роде, что именно, трудно сказать, но наверно его положение в обществе имеет какую-нибудь шаткую сторону, какой-нибудь икс или вопросительный знак» (4, с. 178).

²⁸ Рассуждая о национальном характере, критик пытался показать специфику сюжетной ситуации, выстраиваемой между Калиновичем – *ветхим Дон-Жуаном с лисьей маской Тартюфа*, каким-то поношенным Фаустом и его Маргаритой – Настенькой. Лукин, поступающий на службу по протекции своей любовницы, в целом соответствует типу Калиновича – «боец, закаленный в битве жизни, человек, ставший на твердую ногу и вступающий в новую борьбу с жадным нетерпением сердца, озлобленного против людей, с необузданным порывом властолюбия, пробившего себе наконец дорогу на простор с фанатизмом Сен-Жюста и Робеспьера» (*Ахшарумов Н. Тысяча душ*. Роман в 4-х частях Алексея Писемского С. 214). В этом свете «косморама приключений Калиновича, в Российской империи происходящих» заменяется косморамой происшествий с плутом Лукиным. Став губернским чиновником, Лукин «повторяет» подвиг Калиновича: «Самые трудные, самые щекотливые стороны управления, то, что особенно выставлялось ему на вид из столицы как запущенное и за что два предместника его, после тысячи неприятностей, полетели долой, все, все это начало помаленьку двигаться, так себе, без больших затруднений, и, наконец, пошло просто, легко. Не было сделано подвигов всеобъемлющей, коренной реформы, невозможной в отдельной сфере. Старое зло и старые беспорядки не были вытравлены дотла; но в шесть лет подведомственная ему губерния, до сих пор состоявшая на дурном счету, стала в ряду немногих, на которые в высших правительственных местах указывали с веселым лицом, как на образчик возможной исправности» (8, с. 475).

²⁹ Уговаривая Веригину выйти замуж, ее мать практически цитирует баллады Жуковского: «Но, что делать, дружок? Творцу не угодно было до этого допустить. Он иначе рассудил. Он послал и ему, и всем нам другую судьбу. Надо же нам быть покорным; не надо роптать. Ропот на Бога есть смертный грех...» (8, с. 462); «Надо делать, как умные люди делают, а умные люди от этого не бегут, потому, брак – святое, хорошее дело» (8, с. 464). В ту же ночь героиня видит сон, в котором слышит голос: «– Матушка! Марья Васильевна! Бог с вами! Да разве вы не видали, сударыня? Ведь гость-то ваш мертвый! Ведь это ваш старый жених, барчонок **жгутовский** – с того света к вам приезжал!..» (8, с. 470).

³⁰ В третьей части романа офицер-артиллерист Левель, противопоставленный главному герою, женится на Маше Веригиной. Ахшарумов прослеживает изменения в семейной жизни: от гармонии и взаимопонимания до кризиса. Показателен портрет Левеля: «...отставной гвардеец, которого трудно было узнать, так изменили его шесть лет, отсутствие золотых украшений в костюме, густая, русая борода клином и какой-то оттенок напряженной мечтательности в чертах, которого прежде не было» (8, с. 510). Не исключено, что прототипом Левеля стал Лев Толстой (отсюда показной дилетантизм и мечты героя: «Устройство имения стало главным предметом его забот. Ему посвятил он почти исключитель-

А. С. Пушкина «Дубровский»³¹. «Чужое имя», таким образом, представляет собой ретроспективу, обобщающую большинство значительных произведений русской и западноевропейской литературы³².

Как можно убедиться, «Чужое имя» и «Униженные и оскорбленные», построенные на фабульной сенсационности и сюжетной интертекстуальной насыщенности, создавались по сходному рецепту, тем не менее итоговые результаты оказались не соотносимы. В этом свете особенно важной представляется оценка, данная двум романам А. Григорьевым. Еще не будучи сотрудником «Времени» и декларируя свою независимость и внепартийность, Григорьев обращался с упреками к публике, подразумевая под этим безликую и несамостоятельную массу читателей и зрителей:

...она в наше время такова же, как во времена Белинского, в этом нет ни малейшего сомнения. И в наши дни равно «почитывает» и... что бы?.. ну хоть вещи Толстого, когда они появляются, Писемского, Ф. Достоевского и ерундищу, которую напорол г. Ахшарумов в нескольких книжках «Русского вестника» (несомненно, даже с большим интересом и удовольствием); равно смотрит в театре и драмы Островского, и водевиль с переодеванием!!.. Публика, публика! Знаю я эту публику... Не скверни святого и великого слова «народ» отождествлением его с публикою. Публика – это нравственное мещанство... <...> Публика! Она едва прочла, я думаю, «Семейное счастье» Толстого и с заскоком читала «Подводный камень» г. Авдеева; она венчала лаврами г. Боборыкина и была холодна к одной из высших драм Островского «Бедной невесте»... Пойми ты или, лучше, сознайся ты, моя честная редакция, что всякое честное литературное дело начинается с презрения к так называемой публике; сознайся в кабинете, конечно, но отнюдь этого не высказывай... Даже советую тебе, ругни меня хорошенько за это в подстрочном примечании... а то ведь на тебя накинута сотня разных имен, псевдонимов и букв, подписывающих газетные фельетончики и руководящих мнениями публики, говорящих равно как о деле и о драмах Островского, и о фабрикациях г. Чернышева, Потехина и иных, и о Толстом, и о г. Ахшарумове. Все эти гг. обличительные поэты, петербургские Дон-Кихоты и проч... и tutti quanti, им же имя легион. Ведь вот кто, в сущности, уважают публику, уважают потому, что сами плохо различают Островского от г. Чернышева, Мартынова от Бурдина или в другой области, например, Белинского от Добролюбова, даже Добролюбова от г. Антоновича. Они – сами публика, стоят с ней в уровень, а иногда и ниже ее, ma tanto meglio...³³

Аргументы критика выстраиваются вокруг противопоставления произведений по критерию их эстетической ценности. Такие писатели, как Толстой, Писемский и Достоевский создают *вещи*, беллетристы, как Ахшарумов, Авдеев и Бобо-

но лето и осень; а с наступлением зимней поры, книги явились на сцену (8, с. 512), – тем более, что писатели были знакомы по шахматному обществу, а педагогические проекты Ясной поляны уже обратили на себя внимание публицистики.

³¹ В основе романа – от судебной тяжбы и смерти родителя до превращения Лукина в разбойника с большой дороги – последовательно реализуются ситуации пушкинского романа (пародический Лукин произносит: «Вы меня губите невольно во мнении Марьи Васильевны» (9, с. 126)). Сжатая энергия пушкинского текста становится основным материалом для бесчисленных вариаций на заданную тему.

³² Исключение составляют произведения Достоевского, в этом случае не востребованные в сюжете.

³³ Ненужный человек. Плачевные размышления о деспотизме и вольном рабстве мысли (из записок ненужного человека) // Якорь. 1861. № 3. С. 67.

рыкин, пишут *ерундищу*, находящую большой спрос у невзыскательных читателей, но обреченную на скорейшее забвение³⁴. Два этих вида литературы противопоставлены как подлинное театральное искусство и водевиль с переодеванием. Несмотря на свой спорный авторитет, Григорьев в этой и подобных статьях оказывал непосредственное воздействие на формирование литературного канона, влияя на «отбраковку» текстов, заведомо слабых или не релевантных сложившимся конвенциям [Лотман, 1997; Дубин, 2010; Хрестоматийные тексты..., 2013].

Считая свое произведение неудачным, Достоевский в то же время допускал важную оговорку: «...я знал наверно, начиная тогда писать: 1) что хоть роман и не удастся, но в нем будет поэзия, 2) что будет два-три места горячих и сильных, 3) что два наиболее серьезных характера будут изображены совершенно верно и даже художественно <...>. Вышло произведение дикое, но в нем есть с полсотни страниц, которыми я горжусь»³⁵. Действительно, последующая динамика эстетических возможностей писателя, прошедшего путь от беллетриста до признанного при жизни классика, сочетающаяся с болезненным недоверием к написанному, позволяла дать ему такую оценку. Мнение Ахшарумова, человека, нелюбимого и закрытого, нам неизвестно, однако показательно, что после публикации его романа наметился разрыв с Катковым, а сам писатель вернулся к литературным занятиям только в 1864 г.

Таким образом, масштаб двух литературных неудач не соотносим: «кредит доверия» Достоевскому оказался открыт, в то время как автор «Чужого имени» не смог упрочить статус собственного имени в литературе³⁶. Несмотря на то, что в стратегиях конструирования сюжета есть немало общего: оба писателя обратились к ресурсу собственного опыта, оба создали металитературные тексты, построенные на игре с читателем, наконец, оба ориентировались на модели западноевропейской беллетристики, рассмотренные произведения воплощают принципиально разную философию поступка [Бахтин, 2003]. «Униженные и оскорбленные» вопреки неоднозначной оценке критики позволили Достоевскому решить прагматическую задачу – вернуть свое литературное имя и подготовить почву для публикации «Записок из Мертвого дома»³⁷. «Чужое имя», построенное на обращении

³⁴ После романов «Взбаламученное море», «Тысяча душ» и «Люди сороковых годов» позиции Писемского поменяются, и он займет свое место среди прочих беллетристов.

³⁵ *Достоевский Ф. М.* Примечание <к статье Н. Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве»> // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 11. С. 376.

³⁶ Название романа буквально отразится в судьбе писателя: уже современники начнут путать Н. Д. Ахшарумова с его братьями: Дмитрием, Семеном, Владимиром и Иваном. Это смешение имен продолжится и в XX в. в поле научных разысканий. Так, например, убедительно показывая связь идеологии «Исторического описания войны 1812-го года» Д. И. Ахшарумова и концепции Л. Н. Толстого, современный исследователь в то же время утверждает: «Интересно, что первоначально, читая отдельные главы романа-эпопеи Толстого, периодически выходившие из печати, Ахшарумов говорит о жанровой неоднозначности сочинения Толстого, определяя задачу писателя как “очерк русского общества шестьдесят лет назад”. Лишь познакомившись с более развернутой версией “Войны и мира”, Ахшарумов отмечает, что поэтический очерк вырос “в обширное многотомное сочинение и является теперь перед нами уже не очерком, а большою исторической картиною» [Ивашенко, 2016]. Речь в статье идет о двух разных людях – историке Дмитрие Ивановиче и критике Николае Дмитриевиче, однако все ссылки даны на работы Д. И. Ахшарумова. Эта ошибка, на наш взгляд, имеет свою семиотику [Меднис, 2003]: в отличие от Достоевского Ахшарумов не смог добиться «монополии» своего имени в культурной памяти.

³⁷ Предисловие и первая глава «Записок» уже были опубликованы Достоевским, но их значение было оценено только после завершения публикации очерков во «Времени». Впоследствии Достоевский писал: «Мой “Мертвый дом” сделал буквально фурор, и я *возобновил* им свою *литературную репутацию*» (*Достоевский Ф. М.* Письма. 91. А. Е. Врангелю.

к семейной истории и заостренное социально, в некотором смысле лишало писателя индивидуальности, ставя его в один ряд с «презренными беллетристами» Булгариным и Полевым, и открывало череду неудач Ахшарумова: отныне он будет восприниматься как неудачливый соперник Достоевского, литературный Бавий, с именем которого до конца жизни будут связывать безликую и безыдейную беллетристику, равно противопоставленную остросоциальным полемическим романам и философским, идеологическим работам «почвенников»³⁸.

Спустя несколько лет Достоевский и Ахшарумов встретятся в журнале «Эпоха», и Федор Михайлович оставит заинтересованный отзыв о романе «Мудренное дело». В 1866 г. автор «Чужого имени» опубликует повесть «Натурщица», но параллель, проводимая критикой между этим текстом и романом «Преступление и наказание», будет носить, скорее, пародийный характер³⁹. Наконец, в начале 1867 г. Ахшарумов выступит с разбором романа Достоевского, где с позиции эстетической критики постарается оспорить превосходство своего современника. Ставя под сомнение достоверность характеров Раскольникова и Сони Мармеладовой, критик заметит: «Идеал не вошел в плоть и кровь, а так и остался для нас в идеальном тумане. Короче сказать, все это вышло жидко, неосязательно»⁴⁰.

Тем не менее, жребий был брошен, и Рубикон перейден. Публикация «Униженных и оскорбленных», переживаемая требовательным писателем как личная неудача, стала составляющей биографического мифа, ведущего современников от «Бедных людей» к «Преступлению и наказанию» и Пушкинской речи. Появление в печати «Чужого имени» явилось красноречивым свидетельством драмы писателя-дилетанта, отчасти заключающейся в свойствах художественного письма, признаваемого современниками вторичным, стилистически несовершенным, заслуживающим скорейшего забвения (судьба, постигшая романы Н. Греча и Ф. Булгарина [Рейтблат, 2001; Блеск и нищета..., 2017]), отчасти состоящей в том, что исторически он был современником Достоевского [Жиркова, 2019]. Остается перефразировать слова Е. Гениевой, приведенные в начале этой статьи: Ахшарумов, в действительности пережив Достоевского на десять лет, «всю свою творческую жизнь находился в тени своего великого собрата по перу».

31 марта – 14 апреля 1865. Петербург // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. С. 255–262).

³⁸ «История литературы, – по замечанию И. Виницкого, – убедительно свидетельствует о том, что *бавиями* и *мевиями* не рождаются. Их выбирают или назначают более удачливые современные поэты и критики из числа литературных неудачников. Их “канонизирует” молва» [Виницкий, 2017, с. 20].

³⁹ Речь идет об отзывах «Современника» и «Искры»: «Я говорю теперь, что “Натурщица” г. Ахшарумова нисколько не ниже, а, напротив, выше романа г. Достоевского... Всё это чепуха и галиматья, но чепуха и галиматья не кровожадная, как у г. Достоевского, а добродушная, безобидная, веселая, игривая» ([Елисеев Г. 3.] Русская литература. Журналистика // Современник. 1866. № 2. С. 43); «Я знаю только одну ненапечатанную повесть (предназначенную для “Русского вестника” или для “Искры”), которую можно поставить выше “Натурщицы” г. Ахшарумова. Герой этой ненапечатанной повести – косматое чудовище, которое разлучает мужей с женами, глотает живых надворных советников, подобно крокодилу г. Достоевского, похищает детей у вдов статских советников и погибает, сожженный жупелом, когда безутешные статские советницы обращаются за помощью к г. Аскоченскому с мольбою о помощи, а г. Аскоченский советует “задержать нигилиста, чтобы он не мог кончить и напечатать роман” (подражание г. Ахшарумову) и этим способом заставить чудовище возратить детей» (Юмористический указатель // Искра. 1866. № 13. С. 175).

⁴⁰ *Ахшарумов Н.* Критика. Преступление и наказание // Всемирный труд. 1867. № 3. С. 151.

Список литературы

- Ащеулова И. В.* [Рец. на кн.:] Феномен творческой неудачи / Под общ. ред. [и с предисл.] А. В. Подчиненова, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2011 // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 227–231.
- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Бахтин М. М.* К философии поступка // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. С. 7–68.
- Блеск и нищета национального гения: Бодлер, По, Достоевский / Под ред. С. Фокина, А. Ураковой. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Богодерова А. А.* Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011.
- Вершинина Н. Л.* Русская беллетристика 1830-х – 1840-х годов. Псков, 1997.
- Виницкий И.* Граф Сардинский. Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2017.
- Винокур Г. О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997.
- Володина Н. В., Лаврова С. Ю.* Творчество Н. Д. Ахшарумова: опыт монографического анализа беллетристических текстов. Череповец, 2018.
- Вторая проза. Русская проза 20–30-х годов XX века. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995.
- Гениева Е. Ю.* Странная судьба У. Теккерея // У. М. Теккерея: Творчество. Воспоминания. Библиографические разыскания. М., 1989.
- Дмитренко С.* Беллетристика породила классику (к проблеме интерпретации литературных произведений) // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 75–102.
- Дубин Б. В.* Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 344 с.
- Жиркова М. А.* Традиции Ф. М. Достоевского в романе Н. Д. Ахшарумова «Концы в воду» // Art Logos. 2019. № 2 (7). С. 18–33.
- Иващенко Т. С.* К вопросу об исторических источниках романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Югорского гос. ун-та. 2016. № 1 (40). С. 92–100.
- Кирпотин В. Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966.
- Классика и современность. М.: МГУ, 1991.
- Козлов А. Е.* «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Двойник» Н. Д. Ахшарумова: к вопросу о лингвостилевой организации вторичного текста // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 36–45.
- Кубасов А. В.* Чехов и Суворин // Феномен творческой неудачи. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2011.
- Леман Е. И.* «Из них был славен не один»: род Ахшарумовых в России // ИРГО. СПб., 1997.
- Лотман Ю. М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство, 1997. 820 с.
- Майорова О. Е.* Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989.
- Меднис Н. Е.* Семиотика ошибки в городских текстах // Критика и семиотика. 2003. № 6. С. 51–55.
- Пенская Е. Н.* Проблемы альтернативных путей в русской литературе: поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухово-Кобылина. М.: Carte Blanche, 2001.
- Печерская Т. И.* Разночинский дискурс русской литературы XIX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018.

Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.

Созина Е. К. Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова // Уральский исторический вестник. 2009. № 1. С. 41–50.

Тюпа В. И. Между архаикой и авангардом // Классика и современность. М.: МГУ, 1991.

Феномен творческой неудачи / Под ред. А. В. Подчиненова, Т. А. Снигиревой. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018.

Феномен творческой неудачи / Под ред. А. В. Подчиненова, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2011.

Хрестоматийные тексты XIX века: очерки бытования и канонизации // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013.

Чернов А. Ф. Из истории русской беллетристики (А. Ф. Вельтман-романист: 30–60-е годы XIX века). Череповец, 1996.

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009.

Bloom H. The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. New York: Oxford University Press, 1973.

Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford University Press, 1996.

Список источников

Дело о дворянстве рода Ахшарумовых 1858 года // РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. № 3079.

Письмо Н. Д. Ахшарумова М. Н. Каткову // НИОР РГБ. Ф. 120 (Катков М. Н.). Ед. хр. 23 (писарская копия).

Протокол секретной следственной комиссии от 09.09.1849 // ГАРФ. Ф. 1. Оп. 184. Ед. хр. 214 (ч. 122).

A. E. Kozlov

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
alexey-kozlov@rambler.ru*

“Alien name” by N. D. Akhsharumov and “Humiliated and insulted” by F. M. Dostoevsky: shades of creative failure

The paper examines the phenomenon of creative failure in the aspect of publishing practices and the author’s self-awareness. The situation of literary rivalry, dialogue and non-dialogue of F. M. Dostoevsky and N. D. Akhsharumov is modelled. Having appeared in the literary field in the same year, then “having fallen out” of literary life for a decade (1850–1858), the writers would become rivals in the early 1860s, when the magazine “Vremya” would begin to publish the novel “Humiliated and insulted” and the literary journal “Russky Vestnik” – the “Alien Name.” The two novels, feuilleton and adventurous one, precisely focused on the genres of mass literature, would bring ambiguous fame to their creators and determine their reputation in the early 60s. Our attention is focused on the reviews of Russian criticism of Akhsharumov’s novel (Dobrolyubov, Grigoryev, Khvoshchinskaya). Due to having been comprehensively studied, the articles and comments on the perception of the “Humiliated and insulted” are not taken into account.

The research has revealed the specific shades of creative failure for the career of writers. The failure, recognized by Dostoevsky himself, is subsequently considered in the general context of the author's evolution. However, for Akhsharumov, as "a writer without a biography," his novel becomes synonymous with a dead end, a false path that determined his place in the periphery of cultural history.

Keywords: Russian literature of the 19th century, classics and fiction, secondary and alternative, the phenomenon of creative failure, Akhsharumov, Dostoevsky.

DOI 10.17223/18137083/70/6

References

- Ashcheulova I. V. Rets. na kn.: Fenomen tvorcheskoy neudachi. Pod obshch. red. i s predisl. A. V. Podchinenova, T. A. Snigirevoy. Ekaterinburg, Izd. Ural. gos. un., 2011 [Book review: The phenomenon of a creative failure. Ed. and pref. by A. V. Podchinenov, T. A. Snigireva. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2011]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, no. 4, pp. 227–231.
- Bakhtin M. M. K filosofii postupka [To the philosophy of act]. In: Bakhtin M. M. *Sobr. soch.: V 7 t.* [Selected works in 7 vols]. Moscow, Russkie slovari, 2003, vol. 1, pp. 7–68.
- Barthes R. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, 1989.
- Blesk i nishcheta natsional'nogo geniya: Bodler, Po, Dostoevskiy* [The splendors and miseries of national genius: Bodler, Poe, Dostoevsky]. S. Fokin, A. Urakova (Eds). Moscow, New Literary Observer, 2017.
- Bogoderova A. A. *Syuzhetnaya situatsiya ukhoda v russkoy literature vtoroy poloviny 19 veka* [The plot situation of care in Russian literature of the 19th century]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2011.
- Bourdieu P. *Rules of art: Genesis and structure of the literary field*. Stanford University Press, 1996.
- Chernov A. F. *Iz istorii russkoy belletristiki (A. F. Vel'tman-romanist: 30–60-e gody 19 veka)* [From the history of Russian Fiction Prose. A. Veltman as a novelist (30–60 of the 19th century)]. Cherepovets, 1996.
- Dmitrenko S. Belletristika porodila klassiku (k probleme interpretatsii literaturnykh proizvedeniy) [Belletrics created the classics (to the problem of interpretation of literary works)]. *Voprosy literatury*. 2002, no. 5, pp. 75–102.
- Dubin B. V. *Klassika, posle i ryadom: sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [The Classics, after and about: sociological essays on literature and culture]. Moscow, New Literary Observer, 2010, 344 p.
- Eykhensbaum B. M. *Lev Tolstoy: Issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Researches. Articles]. St. Petersburg, 2009.
- Genieva E. Yu. Strannaya sud'ba U. Tekkereya [The strange fate of U. Thackeray]. In: *U. M. Tekkerey: Tvorchestvo. Vospominaniya. Bibliograficheskie razyskaniya* [Creativity. Memoirs. Bibliographic surveys]. Moscow, 1989.
- Fenomen tvorcheskoy neudachi* [Phenomenon of a creative failure]. A. V. Podchinenov, T. A. Snigireva (Eds). Ekaterinburg, UrFU, 2011.
- Fenomen tvorcheskoy neudachi* [Phenomenon of a creative failure]. A. V. Podchinenov, T. A. Snigireva (Eds). Moscow, Yurayt, 2018.
- Ivashchenko T. S. K voprosu ob istoricheskikh istochnikakh romana-epopei L. N. Tolstogo "Voyna i mir" [On the question of historical sources of the epic novel of L. N. Tolstoy "War and Peace"]. *Yugra State University Bulletin*. 2016, no. 1 (40), pp. 92–100.
- Khrestomatiynnye teksty 19 veka: ocherki bytovaniya i kanonizatsii [Canon texts of the 19th century: sketches of life and canonization]. In: *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie, 9. Khrestomatiynnye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika 19 v. i poeticheskiiy kanon* [Proceedings on Russian and Slavic philology. Literature studies, 9. Chrstomatist texts: Russian pedagogical practice of the 19th century and the poetic canon]. Tartu, 2013.
- Kirpotin V. Ya. *Dostoevskiy v shestidesyatye gody* [Dostoevsky in the 1860s]. Moscow, 1966.
- Klassika i sovremenost'* [Classics and modernity]. Moscow, MSU, 1991.
- Kozlov A. E. "Dvoynik" F. M. Dostoevskogo i "Dvoynik" N. D. Akhsharumova: k voprosu o lingvistilevoy organizatsii vtorichnogo teksta ["The Double" by F. M. Dostoevsky and "The

- Double” by N. D. Akhsharumov: to the question of linguistic organization of the secondary text]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 1, pp. 36–45.
- Kubasov A. V. Chekhov i Suvroin [Chekhov and Suvorin]. In: *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [The phenomenon of a creative failure]. Ekaterinburg, UrFU, 2011.
- Leman E. I. “Iz nikh byl slaven ne odin”: Rod Akhsharumovykh v Rossii [“Not only one was glorious among them”: the Akhsharumov family in Russia]. *Proceedings of the Russian Geographical Society*. St. Petersburg, 1997.
- Lotman Yu. M. Massovaya literatura kak istoriko-kul’turnaya problema [Mass literature as a historical and cultural problem]. In: Lotman Yu. M. *O russkoy literature. Stat’i i issledovaniya: istoriya russkoy prozy, teoriya literatury* [On Russian literature. Articles and studies: History of Russian prose, theory of literature]. St. Petersburg, Iskusstvo, 1997, 820 p.
- Mayorova O. E. Akhsharumov Nikolay Dmitrievich. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar’* [Russian writers. 1800-1917: Biographical dictionary]. Moscow, 1989.
- Mednis N. E. Semiotika oshibki v gorodskikh tekstakh [Semiotics of an error in the city texts]. *Critique and Semiotics*. 2003, no. 6, pp. 51–55.
- Penskaya E. N. *Problemy al’ternativnykh putey v russkoy literature: poetika absurda v tvorchestve A. K. Tolstogo, M. E. Saltykova-Shchedrina i A. V. Sukhovo-Kobylyna* [Problems of alternative ways in Russian literature: poetics of absurdity in the works of A. K. Tolstoy, M. E. Saltykov-Shchedrin and A. V. Sukhovo-Kobylin]. Moscow, Carte Blanche, 2000.
- Pecherskaya T. I. *Raznochinskiy diskurs russkoy literatury 19 veka* [Commoners discourse of 19th century Russian literature]. Novosibirsk, NSPU, 2018.
- Reytblat A. I. *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul’ture Pushkinskoy epokhi* [Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow, 2001.
- Sozina E. K. Individual’noe i obshchee v sud’be i tvorchestve literatora-raznochintsya: razmyshleniya nad prozoy F. M. Reshetnikova [The private and the public in the fate and work of the writer-raznochinets: reflections on F. M. Reshetnikov’s prose]. *Ural Historical Journal*. 2009, no. 1, pp. 41–50.
- Tyupa V. I. *Mezhdu arkhaykoy i avangardom* [Between archaic and avant-garde]. In: *Klassika i sovremennost’* [Classics and modernity]. Moscow, MSU, 1991.
- Vershinina N. L. *Russkaya belletristika 1830-kh – 1840-kh godov* [Russian fiction prose of in the 1830s – 1840s]. Pskov, 1997.
- Vinititskiy I. *Graf Sardinskiy. Dmitriy Khvostov i russkaya kul’tura* [Count Sardinskiy. Dmitry Khvostov and Russian culture]. Moscow, 2017.
- Vinokur G. O. *Biografiya i kul’tura. Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie* [Biography and culture. Russian stage pronunciation.]. Moscow, Russkie slovari, 1997.
- Volodina N. V., Lavrova S. Yu. *Tvorchestvo N. D. Akhsharumova: opyt monograficheskogo analiza belletristicheskikh tekstov* [Creativity of N. D. Akhsharumov: experience of monographic analysis of fictional texts]. Cherepovets, 2018.
- Vtoraya proza. Russkaya proza 20–30-kh godov 20 veka* [Second Prose. Russian Prose of the 20s – 30s of the 20th century]. Trento, Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995.
- Zhirikova M. A. Traditsii F. M. Dostoevskogo v romane N. D. Akhsharumova “Kontsy v vodu” [The tradition of F. M. Dostoevsky in the N. D. Akhsharumov’s novel “None will be the wiser”]. *Art Logos*. 2019, no. 2 (7), pp. 18–33.